

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

РАССКАЗЫ

Бутылка «Смирновской»

У меня было два брата. Антон – сводный по матери и Семен – двоюродный по отцу. Антон плавал. Так говорили о представителях самой привилегированной в нашем городе профессии – моряках заграничного плавания. Хотя сами моряки говорили, что де плавают только г...о, а они *ходят*. Сухопутный народ пользовался обоими глаголами. Говорили: он ушел в рейс, но на вопрос, чем он занимается, в смысле – какая профессия, отвечали: он плавает.

Люди, которые ходили в заграничку, выглядели нарядно, как иностранцы. Антон носил белые джинсы Lee, белую водолазку, черный кожаный пиджак и черные мокасины, о которых мама говорила – «как масло». Антон курил головкружительно ароматные Marlboro, всегда держа руку немного на отлете, чтобы были видны часы Seiko 5, золотой перстень и сама сигарета с вьющимся над ней дымком.

Когда мы говорим «моряк», мы представляем себе капитана в фуражке и белом кителе с золотыми пуговицами и его помощников, стоящих на капитанском мостике, оглядывающих в бинокль сверкающую на солнце морскую даль, или людей в промасленных спецовках, работающих в гудящем и вибрирующем от напряжения машинном отделении. На худой конец простых матросов в тельняшках – «майной помалу!» – направляющих опускающиеся в трюм сетки с грузом. Антон был барменом.

Каждый раз, когда он возвращался из рейса, дом наполнялся яркими коробками и пакетами. Из хрустящей бумаги извлекались наборы шариковых авторучек каких-то космических цветов, плащи болонья, белые нейлоновые рубахи, пестрые отрезки кримплена с неопишуемым рисунком, календари с фигуристыми женщинами в купальниках. Все это предназначалось, как говорил мой брат, «на школу». В смысле на продажу. Причем здесь была школа? Не знаю.

Наблюдая за выгрузкой всего этого барахла, я тайно мечтал получить джинсы. Настоящие джинсы цвета индиго, перестроченные толстой желтой ниткой, с выстроченной буквой «W» и заклепками на задних карманах. Wrangler. Пацаны называли их Врангелями. Однажды я не выдержал и рассказал Антону о своей мечте. Не специально, просто разговор за столом зашел о джинсах, мама сказала, что на толкучке сейчас хорошо идут клешеные Super Rifle, а он сказал, что это г...но-штаны, а настоящие джинсы это 501-й Levi's, и все американцы носят именно их. И вот тут я не сдержался и сказал, какие мои любимые. Я ничего не просил, просто сказал. А он сказал: «Эти –

дорогие», что как бы подтвердило верность моего выбора. И дало понять, что рассчитывать на такой подарок я не должен. Но каждый раз, когда он приезжал, я ждал, что случится чудо.

Антон вспоминал о моем существовании только при встречах. А-а, это ты?! Задавал какой-то никчемный вопрос типа того, какие у меня оценки в школе, я отвечал, что нормальные. На том наши разговоры и заканчивались. Всем своим видом он показывал, что занят очень важными, просто жизненно важными мыслями и ему не до меня. Мысль у него была одна – он хотел купить *собственное жилье*.

Мы вчетвером жили в небольшой двухкомнатной квартире, а он хотел свою, в которую, как говорила мама, он мог бы привести приличную девушку.

Для этого он сначала должен был приобрести развалюху на Мельницах или на Молдаванке. Затем следовало найти какого-то алкаша с комнатой в городской коммуналке, за которую тот не вносил квартплату годами, и которого соседи грозили выселить. Антон должен был произвести с ним обмен развалюхи на его комнату, рассчитавшись с его долгами и еще «дав пару копеек на лапу», чтобы он продолжал пить и не возвращался по привычке по старому адресу. Такие случаи бывали. И тогда уже комнату в коммуне он должен был выменять, снова с приплатой, на отдельную квартиру, в которую он уже мог привести приличную девушку.

На следующий день после возвращения Антона из рейса в доме начиналась деловая суэта, появлялись незнакомые люди. Они говорили: «мы от Люды», или «мы от Феликса», после чего их вели в родительскую спальню, где стояло зеркало-трельяж, перед которым они примеряли то, за чем их послали Люда, Феликс или еще кто-то. Некоторые женщины, купив что-то, или только порывшись в вещах, потом еще подолгу сидели с мамой, пили кофе или курили, обсуждая привезенные тряпки. Эти женщины были морячками, в смысле женами моряков, или спиккульшами, которые перепродавали купленное у морячек на толкучке.

Вырученные деньги мама клала в специальный пакет из желтой бумаги и делала запись в блокнот для учета проданного. После того как очередной покупатель покидал нашу квартиру, Антон, если он был дома, нервно закуривал и спрашивал маму: «Ну, что там у нас на кассе?» И она, взяв свой блокнот, отчитывалась. Им нравилось считать. Каждый пересчет приближал их к заветной цели.

Отец в этой торговой атмосфере чувствовал себя неловко. Когда Антон был дома, он обычно задерживался в своем радиоателье. Иногда и я приходил к нему после школы, мы обедали в пельменной, потом я устраивался за тем же столом, где он ремонтировал приемники или телевизоры, и делал домашние задания или читал. Запах моего отрочества – запах канифоли, плавящейся под горячим жалом паяльника.

Если погода была хорошая, отец предлагал мне подышать свежим воздухом, и тогда мы шли на бульвар. Здесь, устроившись на скамейке, он закуривал. Внизу за каменным бордюром и темными кронами деревьев находился порт. Нам были хорошо слышны его звуки: движение железнодорожных составов, лязг сцеплений между вагонами, вздохи выпускающего пар паровоза, свистки, скрежет кранов, крики грузчиков. В темноте видны были двигающиеся огоньки портовых буксиров, и время от времени перекрывал все продолжительный звук паровозного гудка. Иногда я просил отца рассказать о войне, но его рассказы не казались мне героическими. На фронте он был старшиной взвода гвардейских минометов – «катюш». В атаку из окопов не ходил, не забрасывал гранатами вражеские дзоты, не бил немцев из снайперской.

– На приборной доске была такая рукояточка и под ней кнопки, – рассказывал он о своей машине. – Если хотели помотать фрицам нервы, то рукоятку вращали медленно, чтобы она нажимала по одной кнопке. Нажмешь, снаряд улетел к ним. Подождал, пока он там у них рванет, следующую кнопку нажимаешь. А перед наступлением, конечно, крыли их залпами. Мало им там уже не было. Отстреляемся, едем на новое место. Фронт двигается, мы за ним. Осенью тяжело бывало, весной. Дождь, грязь, машина буксует, пока вытащишь ее из этого болота, глотку сорвешь.

Он воевал на «студебекере», и в этом слове было такое же очарование, как и в словах Super Rifle или Wrangler.

У отца был друг-фронтовик – дядя Виталий Тихоплав. Тот воевал в пехоте. И по его отношению к отцу я понимал, что отец что-то недоговаривает о себе. Один раз они вспоминали какую-то операцию, и дядя Виталий сказал многозначительно: артиллерия – бог войны. И добавил уже для меня: А твой батя воевал не в простой артиллерии, а в реактивной. Ты понял?

– Нет, – признался я.

Дядя Виталий засмеялся.

– Реактивная артиллерия – это страшная вещь. Не знаешь, и лучше не знать.

Мать, кажется, была благодарна нам за наше отсутствие. Когда мы приходили домой, Антон обычно был у друзей, а когда возвращался он, мы уже спали. Когда он, стараясь не шуметь, раздевался и укладывался, я слышал его сладковатое от выпитого дыхание.

Но один раз мир изумительно ярких вещей, который окружал моего брата Антона, отступил и поблек. Это произошло, когда к нам в гости приехал мой кузен Семен. Он был сыном родного брата отца – дяди Гриши. Тот умер от рака легких вскоре после войны, и я знал о его существовании лишь по фотографиям.

Семен был высок, красив, у него были замечательно умные карие глаза, бархатный голос и заразительный смех. Он слыл дон жуаном. По окончании Щукинского училища он приехал из Москвы в Одессу и работал в Русском театре. Из негромких разговоров родителей, не предназначавшихся для моих ушей, я знал, что у него бурный роман с известной актрисой, и об этом романе говорил весь город. В театр ходили посмотреть на них. Зрителей волновала их запретная близость – актриса была старше Семена, и она была замужем за большим начальником, поэтому Семену, в конце концов, пришлось перебраться в другой город.

Его приезд к нам совпал с очередным возвращением из рейса Антона. Снова папа ходил по городу в поисках зеленого горошка и майонеза для салата оливье. Варившиеся в большой кастрюле копыта для холодца наполняли квартиру тяжелым – не продохнуть – запахом. Мама молола мясо, которым она начиняла сладкие красные перцы, раскатывала коржи для торта, взбивала крем. Стол накрывали белоснежной скатертью, из серванта доставали сверкающие гранями хрустальные бокалы и пузатые рюмки для водки. Перед приходом гостей отец перелил купленную им «Московскую» с зелено-белой этикеткой в пустую бутылку от «Смирновской» – когда-то принесенную Николаем. Яркая – красная с золотом – американская этикетка не просто украшала стол, она делала все застолье рангом выше. Антон, конечно, знал об этом трюке.

Стол был прямоугольным. Отец с матерью устроились на одном конце, братьев посадили на другом. Они были дорогими и почетными гостями, все остальные должны были ими любоваться. При этом они были не просто родственниками, они олицетворяли

всем своим видом достижения нашей семьи – один бороздил мировой океан, другой – выходил на высокую столичную сцену. Один был во всем нарядном, заграничном, его постоянно окружало облако дивного благоухания, в котором аромат одеколona мешался с ароматом настоящих американских сигарет. Второй был сам по себе красавец, и самый простой черный костюм, белая рубашка и черный галстук смотрелись на нем так же стильно, как они смотрелись на Марчелло Мастроянни. Общая приподнятость настроения даже не допускала мысли о том, что костюм его отечественного производства, а рубашка «Дружба» – китайского, а не итальянского.

Когда гости расселись, папа взял свою праздничную бутылку, налил Семену первому, потом остальным и, подняв свою стопку, сказал:

– Ну, что Сеня, оцени американский продукт!

Семен поднес стопку к носу, потянул легко ноздрями, потом показал бровями, что мол, да, тут есть над чем подумать, и затем очень ловко опрокинул ее в себя. Взгляды всех сидевших за столом замерли на нем. А Семен деловито понюхал ломтик черного хлеба, потом подцепил из хрустального блюда бронзово-черную шпротинку, аккуратно разделил ее вилкой пополам, закусил и, шморгнув выразительно, заключил коротко, но с чувством:

– Это – водка!

И я клянусь, что в этот момент и мой папа, и моя мама, и Антон, прекрасно знавшие, что именно только что выпил Семен, всем своим существом уверовали в то, что просто черт его знает каким фантастическим образом в его стопке оказалась самая что ни на есть «Смирновская», а не наша отечественная горилочка за три шестьдесят две.

– Постой, это вот, – очнулся от гипноза Антон. – Так это же это... это вот...

Но его уже никто не слушал, звенела посуда, со всех сторон слышны были реплики: «Да-а, хорошая водочка!», «Америка!».

– Молодец, Антон, – сказал, хитро подмигивая ему, дядя Виталий. – Если бы не ты, когда бы мы еще «Смирновскую» попробовали!

Похвала не просто заставила замолчать Антона, он сжался, увял. То ли ему стало неловко за то, что он был участником этого розыгрыша, то ли действительно смутился от того, что мог бы принести домой бутылку «Смирновской», да не принес. Ну, что ему стоило? Ведь он был моряком заграничного плавания! Мариманом! Богачом!

После застолья Семен устроился с настоящей американской сигаретой у открытого окна и позвал меня. Понизив голос и бросив быстрый взгляд в сторону моих родителей, он поинтересовался, не начал ли я уже курить. Меня бросило в краску. Он засмеялся, потрепал меня по волосам. Он смотрел на меня, и взгляд его был светлым и радостным, как взгляд человека, который вкусно поел, в меру выпил и находится в теплой компании родных людей. Потом он стал рассказывать, что сам начал курить «бычки», которые бросали под ноги возвращавшиеся с войны офицеры. Он с приятелями ходил на железнодорожный вокзал смотреть на них. Они приезжали из Германии, Польши, Румынии – веселые, уверенные в себе, в новеньких кителях, сверкающих хромовых сапогах, с медалями, с красивыми чемоданами. Какими сказочными героями они им казались! Покорителями Европы! Потом он рассказывал, как в студенческие годы подрабатывал на папиросной фабрике. Как надевал на смену спортивные шаровары, чтобы набить их пачками «Сальве» – для себя и друзей. Он смеялся и подмигивал мне, как общнику:

– А что делать, курить хочется, а денег – ни копейки!

Как я хотел в эти минуты, чтобы именно Семен был моим родным братом, чтобы он жил рядом со мной, рассказывал свои озорные истории, сверкал глазами и смеялся. Но он уехал в тот же день во Львов, где получил место режиссера. Мы с отцом пошли проводить его «до угла». На прощание он обнял меня и чмокнул в макушку, оставив облачко сладкого хмельного дыхания и острое чувство потери, пустоты, которую невозможно было заполнить никакими красивыми этикетками и обертками.

Да, так-то вот, а яркая этикетка «Смирновской» в конечном итоге поблекла и стерлась от мытья, без нее бутылка потеряла всякое очарование и только благодаря завинчивающейся крышечке осталась в доме. Мать долго еще использовала ее для подсолнечного масла.

Еврейский адвокат

Тема этого рассказа – смерть. Хотя жизнь в нем тоже присутствует. Она как бы предшествует смерти. Поэтому я начинаю с жизни. Ее главным представителем тут является некто Леонид Александрович Кац. При советской власти он был известен в Одессе как Еврейский адвокат. О другом просто сказали бы «аидыше копф», постучали указательным пальцем по лбу и многозначительно закатили глаза, но не в его случае.

Чтобы вы поняли, каким он был специалистом, расскажу историю его племянника и моего приятеля Игорулика. В те годы Игорулик был молодым художником. Талантливым он был, нет – пускай через сто лет решат критики, но от начинающих коллег его выгодно отличало то, что у него была своя мастерская. Она находилась в Треугольном переулке. Как это бывает с творческими личностями, вокруг него постоянно вились любительницы изобразительного искусства. Со всеми вытекающими последствиями, если вы понимаете, о чем я говорю.

В том же дворе, где располагалась мастерская, жил инвалид войны Виктор Фомич Пепперман по прозвищу Старый Перец. Причем прозвище не было переводом его фамилии. Он был страшно едким человеком. Страшно! Ему было просто физически плохо, когда другим было хорошо, и он делал все, чтобы его здоровье не страдало по чужой вине. Такое случается, когда изъяны характера усугублены увечьем. Пепперман лишился ноги на фронте и ходил на деревянном протезе с ящичком для шкалика «Московской».

И вот в один майский день Старый Перец выбрался из своего подвала и первым делом осмотрелся. Кругом было тихо и солнечно. Никто не орал ни «рота, подъем!», ни «хэнде хох!». Его жизни ничто не угрожало. Он перевел дух и увидел, как несколько молодых женщин, весело болтая, прошли в мастерскую Игорулика. Это произвело на него нехорошее впечатление.

Тогда он спустился в свое логово и со словами «ничего, вы у меня еще повеселитесь» сел к подоконнику, вырвал лист из школьной тетрадки, в которую его жена Муся записывала расходы на жизнь, и нацарапал письмо в ЖЭК. В нем он уведомлял вышестоящие органы, что в его дворе совершенно открыто действует подпольный бордель и его пора прикрыть, а помещение передать артели инвалидов для изготовления протезов с ящичками для различных полезных в быту вещей. Располагая опытом производства таких протезов, он был готов возглавить этот трудовой коллектив.

Не прошло и нескольких дней, как к Игорулику постучали. В этот момент он, как юный Рубенс, стоял в одних трусах перед мольбертом и ни сном ни духом не догадывался о нависшей над ним туче. Потому что прямо перед ним на диване лежала одна симпатичная натурщица и позировала ему для его натюрморта во всей красоте своих 35 с небольшим лет. Это была Софья Борисовна ДОСААФ. Почему ее так называли – я уже раз объяснял, поэтому не стану тратить ваше время на повторение пройденного. Короче. Игорулик, ничего не подозревая, открывает дверь, за которой стоит начальник ЖЭКа с помощниками. И они все смотрят на Софью Борисовну и не могут вспомнить, зачем они сюда пришли. Но постепенно они все же собираются с мыслями и сообщают Игорулику, что заставило их нанести ему этот визит вежливости.

Игорулик, ясное дело, сначала переживает сильный испуг, а потом вспоминает о своем дяде Лене. Когда гости уходят, он идет к нему и делится новостью. Дядя Ленья выслушивает племянника и говорит, чтобы тот возвращался к своим обычным занятиям, а он подумает, как решить проблему.

– А что делать с Софьей Борисовной? – спрашивает Игорулик, как настоящий джентльмен. – Они же видели ее в таком виде, что у них теперь возникнут вопросы непосредственно к ней.

– Пусть она зайдет ко мне, – отвечает дядя. – Я дам ей подробную инструкцию, как жить дальше.

Хорошо. Игорулик, передает дядину просьбу Софье Борисовне, а сам возвращается к своим обычным занятиям. Но сердце его беспокоит. Поэтому время от времени он звонит дяде и спрашивает, не нужно ли взять характеристику со старого места учебы или вообще сходить к психиатру за справкой, что у него не все дома. Но дядя Ленья говорит, чтобы Игореша ни о чем таком не думал, а продолжал заниматься своей живописью.

Чего не знал Игорулик, так это того, что у его дяди Лени был один специальный паренек Феликс, который за сто рублей в месяц должен был знать все и про всех. При этом это «все» он держал в своей голове, потому что если бы он начал делать записи и их кто-то прочел, то его бы удушили еще в пионерском возрасте, когда у него проявился его талант. Короче говоря, Феликс получил новое задание по выяснению обстоятельств жизни одного отдельно взятого инвалида и ушел на его выполнение.

Проходит несколько напряженных дней, и Игорулик снова слышит стук в дверь. Он тут же накидывает на плечи пиджак, поправляет комсомольский значок на лацкане и открывает дверь. Что же? На пороге стоит строгого, но немного распутного вида девица из ЖЭКа, которая просит его, когда у него будет время, зайти к ее начальнику. Он тут же идет в ЖЭК, тем более девице тоже туда, и там ему объясняют, что получено письмо из артели инвалидов в Дюковском саду, из которой Старого Перца когда-то выперли за скверный характер. В письме говорится, что он – горький пропойца, который избивает жену Мусю, когда та отказывается давать ему на водку, и вот теперь он вознамерился овладеть помещением художественной мастерской, чтобы обеспечить себя дополнительным источником нетрудовых доходов в ущерб краснознаменной артели коммунистического труда Дюковского сада. Но этот номер у него не пройдет, сигнал получен, и поэтому Игорулик может спокойно продолжать свою работу по облагораживанию нашей советской действительности.

А та девица, к слову сказать, присутствовала при этом разговоре и всем своим слегка распутным видом намекала Игорулику, что готова оказать ему посильную помощь в его благородном занятии.

Что до Софьи Борисовны, то она стала секретарем Еврейского адвоката, но ненадолго, потому что работа в принципе тяготила ее. К любому делу она относилась как к театру, где она играла главную роль. Так и тут. Она надела узкую черную юбку, черные чулки, черные туфли на шпильках, белую блузку и две недели исполняла роль секретарши знаменитого юриста. По истечению этого срока дядя Леня стал жаловаться, что не может сосредоточиться на работе, поэтому они стали видеться в свободное от нее время. Супруга юриста Ида Львовна, будучи настоящей еврейской женой, тут же обратила внимание на то, что муж не жалеет себя, задерживается и часто жалуется на усталость. Но это только заставило ее ценить супруга еще больше.

В результате перемен в жизни Софьи Борисовны Игорулику пришлось озаботиться поиском новой натурщицы, но, как вы понимаете, свято место на диване художника пусто не бывает. Кто его занял, вы уже наверное догадались.

Да, вот такой вот был этот Леонид Александрович Кац – Еврейский адвокат и умнейший человек, хотя со своими тараканами. Например, всем видам общественного транспорта он предпочитал такси. Что-то, а лишний рубчик у него всегда был. Но он не садился в первую же машину с зеленым огоньком. Одну пропустит, вторую, иногда по пять машин пропускал. Его спрашивают: «Леонид Александрович, в чем дело, в конце концов?!» Он отвечает: «Я не сажусь в машину с молодым водителем». – «Почему?!» – «Не хочу рисковать». Что-то внутри подсказывало ему, что с автотранспортом ему нужно быть поосторожней.

Как ни хорошо был устроен Леонид Александрович в Одессе, но в самом конце 80-х прошлого столетия весь город снялся с насиженного места и поехал. Сначала Леонид Александрович наблюдал за этим явлением совершенно отстраненно, но проведив на вокзал Софью Борисовну, он ощутил такую пустоту вовне и извне себя, что, вернувшись домой, тут же сообщил жене, чтобы она готовилась к отъезду. «Нашему мальчику, – сказал он об их сыне Вите, – там будет лучше». Это был совершенно неотразимый довод, и Ида Львовна тут же согласилась.

И вот все они в Нью-Йорке, где их встречает новая жизнь, неведомая, но непременно прекрасная. Первым делом Леонид Александрович решил проверить, что происходит в сфере, которая исправно кормила его много лет. Для этого он пошел в местное отделение Бруклинской публичной библиотеки и нашел справочник Нью-Йоркских адвокатов. Это была книга в четыре пальца толщиной, и одно это произвело на него нехорошее впечатление. Он открыл ее. Первым в списке шел Аарон Абрамовиц, эсквайр. Чтобы не терять времени он открыл справочник на последней странице. Список эсквайров завершал некто Звиад Зусман. После этого Леонид Александрович решил выяснить, есть ли у него в Нью-Йорке однофамильцы. Оказалось, что эсквайры по фамилии Кац занимали 78 страниц. Даже 79. Еще 55 страниц занимали Кацманы и еще 25 – Каценеленбогены. На всякий случай он вернулся к обычным Кацам и насчитал 26 страниц Лио, Леонов, Леонидов и Леонидасов Кацев.

Он всегда знал, что в Америке всего в избытке, но от такого избытка он просто задохнулся. На секунду-другую ему даже представилось, что он находится в людском море Кацев, которые тянут к нему свои руки со скрюченными от ненависти пальцами, чтобы растерзать новоприбывшего конкурента, хотя у него еще даже не было лицензии на право юридической практики, чтобы соперничать с ними. Но что можно было объяснять этой обезумевшей толпе однофамильцев?

Леонид Александрович повздыхал, записался на пособие и стал подрабатывать на дому, заполняя анкеты безъязыким иммигрантам, нуждавшимся в какой-нибудь государственной помощи. Остаток времени он отдал заботам о Вите. Иногда он виделся с Софьей Борисовной, которая в основном жаловалась на то, что должна была приехать в эти сказочные края лет двадцать назад, но что теперь уже говорить, поезд ушел, и все в таком духе. Он отвечал, что для него она всегда будет молодой, прекрасно понимая, что если бы они приехали сюда на двадцать лет раньше, то сейчас рядом с ней, скорее всего, лежал бы другой человек.

Не вникая в другие подробности жизни Леонида Александровича, скажу только, что он сделал для своего мальчика все, что только мог сделать малообеспеченный американец с «аидыше копф». В итоге его Витюша получил все возможные гранты, стипендии, бесплатные курсы для особенно одаренных детей, поступил в суперпрестижный Массачусетский технологический институт и окончил его с титулом Summa Cum Laude – в числе лучших. После этого он получил работу в какой-то подземной лаборатории в Неваде. Там он с головой погрузился в научную деятельность, напрочь забыв о бедных родителях.

Как это обычно бывает, единственным поводом, чтобы вернуться к семейному очагу, стала смерть мамы – Иды Львовны. Она умерла от ковида, а Леонид Александрович, представьте себе, даже не заболел. Что тут можно добавить? Ничего. Все там будем. Не от ковида, так по какой-нибудь другой причине.

И вот Витя вернулся в отчий дом. К его приезду отец подготовил все необходимое для похорон. Только рабай наотрез отказался явиться на кладбище, сославшись на опасность работы в условиях пандемии. Тогда Витя, что значит научный сотрудник, договорился с ним, что тот будет петь у себя дома по телефону, а они поставят свой телефон на край могилы в стакан – чтобы было громче – и будут слушать. Так и сделали. Рабай пел, а они слушали, пока стакан, возможно от сильной вибрации, вызванной голосом рабая, не наклонился и не упал в могилу. Вместе с телефоном. Поэтому какое-то время рабай еще пел из-под земли, как если бы он решил сам проводить покойную в царство теней.

Когда рабай закончил, Леонид Александрович решил спуститься за телефоном. Терять его было недопустимо, потому что это была недешевая вещь. Стесняться ему тоже было некого, так как на кладбище были только его сын Витя, племянник Игорулик и Софья Борисовна, которая, во-первых, хотела поддержать близкого человека в тяжелую минуту, а во-вторых, проститься с женщиной, которая, сама того не подозревая, полжизни делилась с ней самым дорогим. Два стоявших на безопасном расстоянии гробовщика – не в счет.

Короче, когда Леонид Александрович спускался в могилу, он оскользнулся и упал на крышку гроба, проломив ее. Не сильно, но заметно. И телефон соскользнул внутрь. Как говорится: час от часу не легче! Витя тогда сказал, что наверное надо было не жалеть на гроб и взять что-то более качественное, что не сломалось бы так быстро. Папа возразил, что, во-первых, крышка гроба не матрас, на который можно прыгать безо всяких последствий, а во-вторых, он не миллионер, чтобы покупать за немислимые деньги вещь, которую они будут видеть перед собой от силы час. Что до мамы, то она всегда поощряла экономное отношение к ведению хозяйства.

Когда папа закончил приводить свои доводы, Витя с Игоруликом помогли ему выбраться наружу, а на его место спустили гробокопателя, который достал телефон, все поправил и аккуратно положил первый слой земли. Потом каждый бросил свою горсть.

Молча они пошли домой. Моросил дождь, в воздухе висел туман, и настроение у всех было похоронное в прямом смысле этого слова. Машина, на которой они приехали, была запаркована на другой стороне улицы, прямо напротив входа на кладбище. Когда Леонид Александрович шел к ней, его сбило проезжавшее мимо такси.

Что случилось дальше – вы уже можете себе представить сами. Сын на коленях у тела отца, кровь на мостовой, слезы Софьи Борисовны, вскрики скорой и мигалки полиции, копы, надевающие наручники на растерянного водителя-албанца – паренька лет двадцати.

И глядя на эту картину, Игорулик вдруг вспомнил, как всю свою жизнь в Одессе его дядя остерегался молодых таксистов. «Да, – сказал он и вздохнул, – от судьбы не уйдешь». Слышавшая эти слова Софья Борисовна с удивлением посмотрела на Игорулика, но тот только махнул рукой и ничего не стал объяснять, потому что это было долго и не к месту – нужно было организовывать новые похороны.